

Неизвестно, сколько времени он пролежал, но яркое дневное солнце уже клонилось к закату. Вечерний ветерок мягко поднимал опавшие красные кленовые листья, и они снова, словно звёздочки, рассыпались по его белой одежде.

Ребёнок на руках у Ши Сюня проснулся раньше. На его нежном личике играл лёгкий румянец. Малыш, словно инстинктивно, начал ползать по расстёгнутому халату Ши Сюня, вскоре перебравшись на его живот и ухватившись за одежду маленькими ручками, пытаясь подтянуться к его лицу.

Наконец добравшись до цели, он уселся грудью на грудь Ши Сюня, задумчиво склонил голову набок, а затем, словно что-то поняв, вдруг обхватил его шею своими крошечными ручками.

Пухлые белые ручки обвили полупрозрачную шею, создавая удивительно гармоничную картину.

Устроившись поудобнее, ребёнок начал тереться щёчкой о шею Ши Сюня, выражая детскую привязанность. И лишь под этим лёгким, шелестящим «беспокойством» Ши Сюнь наконец пробудился.

Он приподнялся, опершись на ствол красного клёна, и сбросил с плеча маленький лист. Однако ручки, только что обнимавшие его шею, вдруг разжались. У ребёнка не хватило сил удержаться, и он соскользнул вниз по одежде.

Малыш, соскользнув, не выразил ни малейшего недовольства, а протянул ручки к Ши Сюню, и его губки растянулись в улыбке, похожей на тихий полумесяц.

Ши Сюнь наклонился, подхватил ребёнка под мышки, прижал к груди, затем встал и стал осматривать окрестности.

Это место напоминало мелкую долину среди гор, где было особенно много света. На дне лежал небольшой прозрачный пруд, подпираемый обрывом высотой в несколько метров. Вода, стекающая с гор, низвергалась с отвесных скал и узких уступов, ловко огибая острые выступы на стенах каньона, достигала самых крутых склонов, избегая торчащих камней, и с журчанием, спотыкаясь, падала в хрустально-чистый пруд.

Красные клёны, яркие, как пламя, росли метрах в десяти от воды. Их алая тень покрывала береговые камни, почти касаясь воды. Несколько листьев, размером с ладонь ребёнка, медленно падали на поверхность, вызывая рябь.

Этот пруд не был стоячим. Вода падала в него с обрыва и вытекала через ручей на западной стороне.

Западный ручей был усеян камнями и сухими корягами. Спокойный поток, переливаясь через

край пруда, с излишней покорностью и нежностью просачивался в каменные щели, нежно огибая валуны и сучья, создавая линию сочной, тёплой зелени, что разливалась по всей долине томной нежностью.

В долине также была пустая равнина, где стоял ветхий деревянный дом с соломенной крышей. Ши Сюнь, крепче прижав ребёнка, сделал знак рукой, и Красный лотос последовал за ним к хижине.

Издали хижина выглядела очень обветшалой. На нескольких несущих столбах были видны следы древооточцев, а соломенная крыша, давно не ремонтировавшаяся, источала запах сырости и гнили. Однако, подойдя ближе, можно было заметить, что внутри было довольно чисто и опрятно. Хотя обстановка была скудной, она не шла ни в какое сравнение с сыростью и дырами снаружи.

Внутри стояла кровать из наньму с подножьем, которая, несмотря на долгое забвение, хорошо сохранилась. Также там был шкаф для одежды из камфорного дерева, чуть выше самого Ши Сюня, и комплект стола, стульев и табуретов, расставленных в беспорядке, но целых.

Ши Сюнь, усадив ребёнка на круглый стул, взмахнул рукавом. Пыль и паутина с деревянной мебели исчезли в мгновение ока. Беспорядочно расставленные стол и стулья вернулись на свои места, масляная лампа и свитки аккуратно легли на стол, на кровать из наньму сложили несколько слоёв постельного белья, а в шкафу появилась одежда. Снаружи тоже исчезли следы гнили и сырости, всё стало чистым и аккуратным.

Проделав это, Ши Сюнь материализовал лёгкую колыбель-качалку. Он убрал подножье у кровати и поставил колыбель на его место.

Снаружи уже давно стемнело, и в крошечной тьме светила лишь холодная луна.

Ши Сюнь уложил ребёнка в колыбель и, склонившись над ним, начал играть с его пальчиками. Этот малыш, которого он знал совсем недолго, уже проявлял к нему огромную привязанность. Его тёмные, блестящие глаза, словно звёзды, смотрели прямо на него.

Без всякой причины Ши Сюнь покраснел. Он никогда ещё не чувствовал себя так счастливо. Он приподнял ребёнка, усадив его прямо, и сказал серьёзным, но твёрдым тоном:

— Я не знаю, откуда ты, но судьба привела тебя ко мне. Отныне ты будешь жить со мной. Сейчас я не могу вернуться в мир Цанчжу и у меня нет смелости снова углубляться в другие миры, так что придётся потерпеть. Мы проживём здесь, в этой долине. Когда ты вырастешь, у тебя будут силы отправиться куда захочешь.

Ребёнок был очень послушным, хотя непонятно, понял ли он слова. Он лишь кивал головой, глядя на Ши Сюня с глуповатым выражением лица. Ши Сюнь фыркнул от смеха и, улыбаясь, сказал:

— «Желание народа обращено на восток, а зелёное сияние всё ещё на западе». Назовём тебя Гу Яо, хорошо?

Малыш растянул губки в улыбке и снова протянул ручки, просясь на руки. Ши Сюнь снял обувь и верхнюю одежду, достал ребёнка из колыбели и укутал его вместе с собой в одеяло.

За день было слишком много событий, и силы быстро иссякли. Вскоре оба, большой и маленький, заснули. Тёплый свет в деревянной хижине окутал холодную ночь в долине, и их ровное дыхание разносилось далеко в тишине гор.

□

День, два, месяц, два, год, два. Ши Сюнь мирно жил в долине, восстанавливая свой изначальный дух и радуясь своему «булочке». Всё было спокойно, кроме одного.

Прошло целых два года, а Гу Яо совсем не вырос, оставаясь таким же младенцем, как и прежде.

Ши Сюнь опустил фарфоровую ложку, подхватил Гу Яо, который уже почти выполз из пелёнок, и, ущипнув его за носик, заставил открыть рот, чтобы влить ложку каши.

У Гу Яо было всего несколько зубов, и за два года новых так и не появилось. Каждый день он мог есть лишь разные виды каши, больше ничего.

К счастью, Гу Яо, хоть и маленький, был очень послушным. Даже с полным ртом каши он мог жевать и глотать. Съев всё, он ещё и важно лепетал что-то Ши Сюню, словно дразня его за грубость.

Когда Ши Сюнь занимался восстановлением изначального духа, Гу Яо лежал на Красном лотосе, плававшем у края пруда, и трогал рыбок или воду. Духовная энергия Красного лотоса была яркой, но мягкой, и, поглощая её, она вливалась в духовное сознание Ши Сюня.

Его изначальный дух после возрождения стал целым, но оставался хрупким, словно готовым рассыпаться от прикосновения. За два года восстановления он постепенно окреп. Поглощение духовной энергии стало таким же обычным делом, как приём пищи. Только Ши Сюнь не видел, как тончайшие, почти невидимые нити этой энергии незаметно проникали в тело Гу Яо.

Прошло ещё около десяти месяцев, и изначальный дух Ши Сюня полностью восстановился, его полупрозрачное тело стало более плотным. Однако он не спешил возвращаться в мир Цанчжу.

Он провёл ещё два месяца, трепетно ожидая взгляда Небесного Дао, пока снова не упал костяной свиток. Тогда он понял, что действительно должен уходить. Он больше не смел делать ничего, что могло бы разочаровать Небесное Дао. Но Гу Яо снова заставлял его терять

душевный покой.

Всего три года стёрли четырнадцать лет его молчания и успокоили гнев, вызванный потерей изначального духа. Спокойные дни, подобные воде, утоляющей жажду выжженной земли, вернули ему разум, уравновешенность, хладнокровие и чувство ответственности, которые росли в нём, не спеша и не теряя достоинства.

Перед уходом из долины Ши Сюнь создал барьер вокруг Красного лотоса и наложил на Гу Яо заклинание сна.

Полупрозрачный, серебристо-жемчужный Красный лотос раскрыл свои внутренние лепестки шире, и мягкие лепестки обвили тонкие, нежные ручки Гу Яо. В этот момент Ши Сюнь материализовал бирку с датой рождения, на которой своей сущностной энергией написал имя и день рождения Гу Яо, и положил её рядом с ним. Закончив, внешние лепестки лотоса внезапно увеличились, слой за слоем окружая маленькое тело Гу Яо, защищая его внутри.

<http://bllate.org/book/15523/1379762>